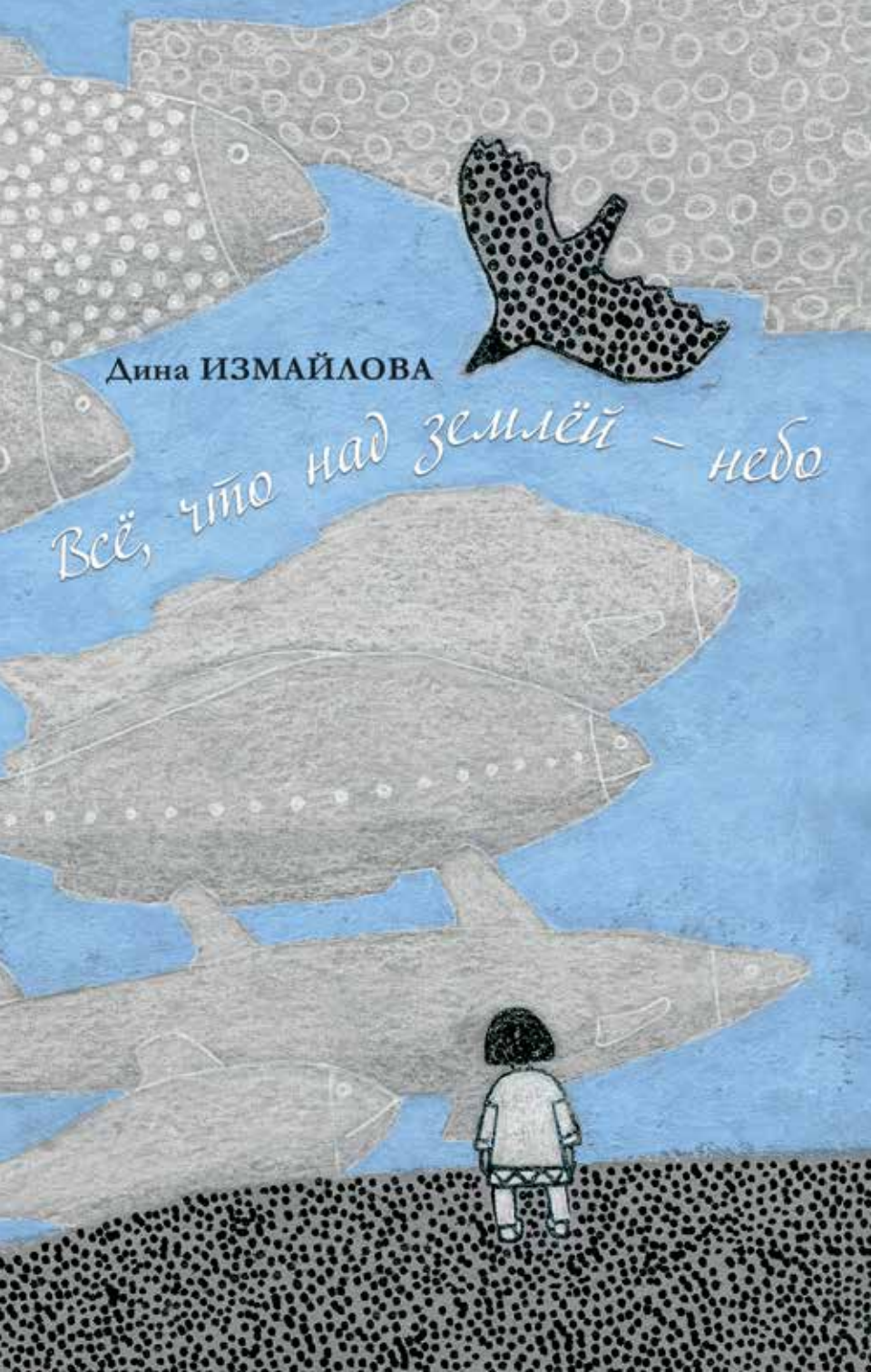

Дина ИЗМАЙЛОВА

Всё, что над землёй — небо

Дина Измайлова

**Всё, что над землёй —
небо**

Издательство
ПЛАНЖ
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ИЗ7

Оформление обложки Владимира Ходукина

Всё, что над землёй — небо / Дина Измайлова — М.: Издательство «ПЛАНЖ», 2022. — 176 с.

«Всё, что над землёй — небо» — это несложная история матери и дочери, мужчины и женщины, отчуждения и любви, поиска и обретения, рассказанная тонким поэтическим языком, уносящая в подсознание, но тут же возвращающая к местам работы и проживания. «Человек способен исторгнуть не так уж много звуков, зато может выдумать бесчисленное количество слов. Они прыгают вокруг, торчат в причудливых позах засохшими скелетиками или гладкими загадочными камушками возлежат на облитых светом площадках — непознанные до конца, загадочные, полные зашифрованной таинственной информации о жизни былой, о жизни грядущей, о потусторонней или глубинно-бессознательной. И что с ними делать — невдомёк, может, использовать для пальбы из рогатки, или швырять в озеро, наблюдая круги на водной поверхности.»

ISBN 978-5-6045678-3-8

© Дина Измайлова, 2022
© Издательство «ПЛАНЖ», 2022

Оглавление

История 1

История 2

История 3

Послесловие

Предисловие

*В предпробуждении нашёптывают сны
Своё настойчивое волеизъявление.
В предговорении отчётливо слышны
Шумы рождающегося предложения.*

*Прошелестит в тиши шальная мысль,
Душа пронзится остриём сомнения
И несмыслённышем поскачет вверх и вниз,
Слова разбрасывая в возбуждении.*

*Так своенравно говорлива жизнь вокруг –
Однажды смолкнет неразгаданной загадкой –
В преднемоте мы не услышим больше звук
И стихнем, выговорясь без остатка.*

А пока есть ещё время – поговорим?

История 1

Воздушный шарик

Течёт жизнь, протекает, ручейком журчит, и всё мимо, и всё не взаправду словно бы. Живу, будто носом в сон уткнувшись, и посапываю, наблюдая верчение картинок в моих глазах.

А некто Сергей прислал мульт с котом нереально плюшевым. «Враки всё. Не бывает таких кошек подобострастно страстных». «А я такой». «Да неужто тебе яйца отрезали, бедняжечка?»

Офис, как вскрытая консервная банка: вокруг жесьть да по кругу вывески чёрно-белые приляпаны. А шпротинки ровнёхонько-скромнёхонько в масле поблёскивают. Сияю и я ненавязчиво, улыбисто-функционально. Если плюнуть в монитор, растереть и зажечь свечку, то в полночь можно увидеть ведьмочку.

А когда душа устало оседает к седушке вертлявого стула, стоит порой всколыхнуть её мягким вилянием попы. Помогает на время – взмывает она под самые рёбра. Душа – она такая. Летать для неё – словно

трескать овсяную кашу. Пользительно и живительно одновременно. Только порой доводится перебиваться бутербродами.

Нецелесообразно думать о целесообразности, когда дело касается вещей с сорванными ценниками. Взятое за бесценок бесценное и потерять не жалко, но боязно. Упала в жизнь, как в затон, и барахтаюсь, как умею.

Вот и пришло время заниматься анализом динамики продаж за минувший квартал. Ничего тут не поделаешь. Рисую зигзаги.

1.

Иной раз, совсем неожиданно, можно до того плотно влипнуть в чужого человека, словно в трясику запопасть. Бах, и ты утянута в болото противоречивых чувств и сумбурных мыслей. Пытаешься вырваться на волю, но что ни шаг, всё глубже проваливаешься на самое дно. Трепыхаешься в обречённости несвободы, силясь хранить невозмутимую физиономию, но моргнуть не смеешь без оглядки на посторонний силуэт, отпечатанный в памяти. Положеньице так себе, в общем.

Вот и я влипла в тебя — случайно, невольно, за просто так. Ты ведь почувствовал это, правда? Уловил мою внезапную слабость, когда мы сцепились взглядами, нащупав в глазах друг друга уязвимость, неподдельность

которой разбила мою душевную пустоту на осколки чувств, пронзивших множественностью мелких уколов, одновременно ожививших и разнедуживших.

Так случилось, что пустота надолго укутала меня дымчатой пеленой — заползла в рот, нос, уши, просочившись в резервуар души, которая, распухнув от вакуума, невесомым шариком стала распиравать тело изнутри.

Я знаю причины этому, мне не вычеркнуть, к сожалению, из памяти день запуска процесса, который вспоминать не хочется, а забыть не можется. Мне в лом вновь и вновь расковыривать нутро, бередя очаг заразы. Хорошо бы, чтоб обломки лежали на дне, глубины хранили свои тайны, непознанные разобиженные монстрики стерегли пучины. Отболело, и пусть. Обесчувствилась, и славно. Существо моё надулось беспечным и безутешным пофигизмом, закружившись на одном месте вокруг своей оси, лишившись какой-либо перспективы и опоры поверить во что-то значимое.

В этом странном раздуто-пустом состоянии я просуществовала несколько лет, перекачивая себя из сна в явь, из яви в сон, которые сливались в единое мутное полотно жизни, где я даже не брела, а переминалась с ноги на ногу, силясь сделать шаг вперёд, но постоянно замирала в нерешительности, спотыкаясь о зависший в голове вопрос: «Зачем?»

Я просыпалась утром, чтобы пойти на работу, вли-вала в себя кофе, рисовала на лице благообразную маску из косметики и горделивых улыбочек, чтобы на выходе предъявить миру человека позитивного, современного и весьма самодостаточного, именно такого, который искренне любит себя, ибо себя любить, говорят психологи, первопричинно для обретения внутреннего равновесия. Но как-то не срослось у меня с собой, что-то пошло не так.

А ведь старалась, упёрто проходила один за другим всё новые и новые курсы по мастерству душевного онанизма, черкала магические бумажки, сжигала волшебные фантики, отчаянно сигала с табуретки в бездонный омут растворённого во Вселенной счастья, но так и не допрыгнула — застряла на стадии беспокойного школярства, то ли заскучав от декоративной игривости психологических методик, то ли спасовав перед перспективой осчастливиться окончательно, превратившись в кукольно-выпуклый символ беспощадно-сверкающего позитива.

И тут я плюнула на всё, стала отрешенно наблюдать своё тело, суetyащееся в пространстве по всевозможным ничтожным поводам, ощущая, как воздушный шар равнодушия всё растёт и растёт, просачиваясь сквозь рёбра в окружающее пространство. Словно подушка безопасности, безучастность окутала меня внутри и снаружи, обезопасив раз и навсегда от всевозможных травм, от любых потрясений.

Вот тут-то ты подцепил меня взглядом, словом, духом, а я повелась, я клюнула на приманку, самовольно повесившись на крючок...

Вообще, взгляды человеческие таят неведомую силу в себе, они рассекают пространство, как энергетически заряженные лучи, перекрещиваясь и порой вспыхивая, да потрескивая от перенапряжения, от переполненности эмоциями. Я ведь чувствовала твой взгляд задолго до того, как ты подошёл ко мне. Я смутно помню твоё лицо на пересечении каких-то улиц. Тогда я смотрела на тебя мельком, поверхностно скользя глазами по твоей фигуре и всему миру вокруг, замурованная в свою отрешённость, как в броню. Я запомнила только взгляд — осторожный, внимательный, на который я бессознательно отвечала невольным подёргиванием души. Это уже значительно позже мы оказались лицом к лицу, и я впервые разглядела тебя вблизи, и как-то подрастерялась от твоего напора.

2.

Ну, конечно же, у меня был мужчина в тот момент, можно сказать, муж, принимая во внимание длительность нашего совместного бытия на одной территории и наличие общего холодильника со всем его содержимым. Хотя можно и не говорить «муж», а сказать как-нибудь иначе — парень, сожитель, партнёр по сек-

суальным утехам. Холодильник как единственное совместно нажитое имущество прочно скреплял наши отношения, но всё-таки не настолько, чтоб значительно ограничивать свободу словоизвержения и телопередвижения. Про наш союз можно было говорить что угодно, что, в общем, мы и делали.

Он представлял меня чаще всего супругой, при мне, во всяком случае. Полагаю, так было принято в их кругу. Я засветилась в этом качестве на всех пользительно-оздоровительных корпоративчиках среди уныло трезвых коллег, старательно изображавших веселье прыжками на батутах да закидыванием друг друга всякой хернёй перед закодированным и от того болезненно наблюдательным шефом; в кругу его немногочисленной семьи, состоящей из апатичной мамы, сомнамбулически созерцающей бесконечные сериалы как свою параллельно развивающуюся, перепрыгивающую из серии в серию, но так и неосуществившуюся в реальности жизнь, и полубездыханного кастрированного кота, безостановочно спящего, жрущего и срущего в хаотичной непоследовательности; в компании его слегка туповатых, но хотя бы компанейски бухающих друзей, которые вместе со своими более-менее постоянными подругами жизни давно уже перешли в категорию наших постоянных собутыльников.

Я же представляла его только по имени без определения статуса, но всегда добавляла при этом

непременную частичку «мой», меняя интонацию с утвердительно-нейтральной на экспрессивно-восклицательную или вопросительно-неуверенную. Просто говорила: «Знакомьтесь, мой Игорь». И всё. Понимайте, как хотите: «Мой! Мой? Мой...» Игорь и Игорь, что тут скажешь ещё...

3.

Мне почему-то вдруг захотелось многое поведать тебе, чтоб ты понял, хотя что понял? Зачем? При первом разговоре ты сказал, что хочешь выложить мне всё начистоту, но я не позволяю тебе приблизиться, редкостную фигну нёс про грусть в моих глазах — банальную до тошноты, но что-то в обтекаемых фразах искрило нежное и подлинное. Прошло уже полгода, а я всё думаю, привиделось мне, почудилось ли, придумалось. Вообще не понимаю, как я клюнула на всё это, почему-то твой взгляд не отскочил от глянцевой поверхности моей любезной улыбки, а проник дальше и разбередил сердце. Я не юная девочка, ведь знаю все эти уловки — смотреть пристально в глаза, безотрывно, пронизывающе, призывая то ли к поединку, то ли к соитию.

Я искусна в отзеркаливании взглядов, я умею отыгрывать улыбки. Вон они, вон — по всем углам офиса, на всех выступлениях поразвешены — просящие, любез-

ные, смущённые, ослепительные, ироничные, маняще обворожительные, обольстительно искусительные, вымученно приличные, вызывающе безразличные, бэушные, показушные, самоналезавшие на лицо и самосползающие. Повсеместно на них натыкаешься, одной из них в ответ улыбаешься. Но с тобой не получилось — я не смогла отбиться от твоего пронизывающего взгляда, небрежно усмехнувшись в ответ, — остриём он застрял у меня в душе, поменяв ритм моего дыхания.

4.

В шестнадцать лет страстно верится в животворящее «Люблю», которое неукротимым цунами ворвётся однажды в жизнь, сокрушив в одночасье стены каждодневного унылого бытия, даровав шанс на иную жизнь, подсвеченную сиянием высокого чувства. С возрастом меняются приоритеты. Цунами страшит, когда знаешь последствия разбушевавшейся стихии, когда изо дня в день наблюдаешь исковерканные обломки бывшего чувства, никчёмными дровишками сваленные в самый тёмный чулан души. Чтобы обезвредить стихию, её необходимо обесценить. Чтобы в очередной раз не заболеть, мы превращаем страсть в безделушку, заворачивая её в шелестящие фантики флирта, вешая на неё яркие ценники и рекламные ярлыки, чтобы облегчить друг другу жизнь, чтобы не гореть, а безопасно

тлеть подле друг друга, не боясь более обжечься или обжечь.

Любовь нынче звенящей мелочью усыпает все публичные места, перекатываясь безобидно мерцающими смайликами из сообщения в сообщении. Она ничего уже не значит. Налипла на седушки в общественных местах изжёванной жвачкой — куда ни ткнёшься, вклинишься в грязновато-липкий катышек, попахивающий клубничным бабл-гамом. Девчушки привычно мусолят зубками, причмокивают губками, елозят язычком, мальчонки раздувают щёки, горделиво поплёвывая по сторонам. «Я люблю вас, дорогие мои!» — проникновенно выкрикивает с телеэкрана андрогинное создание в перламутровом жакетике. «Это всё только ради вас, мои любимые!» — постанывает в инете полуголая дива в кружавчиках, для большей убедительности принимая позу гибнущей от изнурительного оргазма кошки.

«Я люблю тебя», — просто сказал ты мне, будто сданул по сердцу игрушечным топориком. И я не знаю, как отдать тебе обратно это твоё «люблю», которое так легко выскочило из тебя, вернув мне давно забытую боль, которую я тщательно маскировала безразличием.

Равнодушие и взаимная вежливость, знаешь ли, основа спокойствия — личного, общественного, межнационального... Конечно, важно говорить слова всякие волшебные — «спасибо», «пожалуйста», «здравствуйте». И всё это с улыбкой доброжелательно-пофигистич-

ной, обаятельно-безмятежной, любезно-отстранённой. Правда, можно и без улыбки, если уж совсем невмоготу. Но с улыбкой лучше. Улыбка — это вопрос тренировки. Можно натренировать любые мышцы — тела, лица, души. У тренированного человека всё под контролем — никакого беспорядка, никаких чувств ненужных, обид, нервических подрагиваний. Спо-кой-но. Вот так спокойно и бесстрастно я и жила, пока ты не кинул мне ласково непринуждённо-небрежное своё «люблю», которое я переминаю отныне у себя в памяти, не зная, что делать с ним, куда приложить, чтобы стало полегче.

А ты уже поскакал дальше, мой беспечный мачо. Ты не из тех, кто застревает у непрошибаемых стен, кто долбит в закрытые двери, кто запропадает в путаных зарослях глубинных переживаний. Перед тобой сотни дорог и множество перспектив, ты ловко тасуешь их в руках, вытягивая наугад случайный вариант. Ты просто карточный игрок, мой милый, твоя задача — сорвать золотое очко. Я могла бы тебе подарить его, но ведь ты самонадеянно решишь, будто выиграл, ты не поймёшь, что для меня это совсем не игра.

5.

Если бы ты знал, как неохота. НЕОХОТА, да и только. До зевОты, до ломОты, до тошнОты... неохота. Неохота смотреть вперёд, оглядываться назад, глазеть по сто-

ронам, зыркать в чужие окошки, пялиться в телевизор, угадывать в тумане искорёженные силуэты, рассматривать в зеркале приметы грядущих кукишей или призовых трофеев. Неохота плакать, смеяться, обламывать, обламываться, бежать, сидеть, лежать, плевать, лягаться, обниматься, сбиваться в тысячеглавую стайку, брести в одиночку по краешку ночной трассы, глотать пьянящее лекарство, травиться горьковатыми шоколадками, сталкиваться с мужскими взглядами, ворочать мыслями, шелестеть фразами. Неохота производить впечатление, контролировать дебиторскую задолженность, отзваниваться потенциальным клиентам, здороваться с соседями, осчастливливать подружек смайликами, одариваться посторонними любезностями. Неохота опрокидываться по вечерам в душный ночной сон, а по утрам выпрыгивать в свиристящую жёсткую прохладу. Совсем неохота быть тут, неохота основательно наличествовать во всех деталях бряцающего побрякушками существования. Хочется передышки на чуть-чуть, макушкой, да к земляным червякам, чтоб весь мир вверх тормашками, а душа кувырком и бултых в лужу.

Так и поторчим врозь, отдыхаячи. Не насовсем, на чуть-чуть, чтоб можно было вернуться. Когда-нибудь...

6.

Когда не о любви, вроде и говорить не о чём. Впрочем, о чём ни скажи, получается, о любви или её отсутствии. Убийственно светло у нас в офисе, безжалостно сияют софиты, бесстрастно мерцают мониторы компьютеров. Порой так хочется выключить солнце, принакрыть тюлем его пронзительные лучи. Да убудет свет, да подзатухнет электричество, да восторжествует полусумрак в тёплых мерцающих тонах неразгаданной тайны. Но здесь не место для любви, разве что для распахнутой настешь порнушки. Порнушка только под запретом, как и любовь, как и ненависть, как и любое шевеление чувств, способное помешать непрерывности рабочего процесса.

У нашего босса пристрастие к серо-бело-чёрной гамме и при этом болезненное стремление к тотальной стерильности — культивирование в окружающей среде абсолютно бесцветной защищённости бытия. Чёткая геометрия, лишённое эмоций монотонное рабочее пространство. Мы, облачённые в чёрно-белые одеяния, всегда находимся под прицелом бдительных полусмущённых взглядов сотрудников отдела безопасности, примостившихся у дверей, — безликих и всезнающих.

У нас с Сашкой-логистом игра: соскучившись, мы пишем друг другу непристойности по скайпу. Краем глаза в эти моменты я наблюдаю, как багровеют уши

наших блюстителей порядка, работающих на перехвате, как по-орлиному вскидывает голову босс, с хищным вниманием оглядывая окрестности, как бы ненароком задерживаясь взором на мне. А я чё? А я ничё. Я невинно журчу по телефону, впаривая очередному покупашке вагон минтая, я покачиваю безукоризненно чёрной лодочкой на своей безупречно матовой ноге, прижимая к уху непорочно белый телефон, мечтательно постукивая законопослушной правой рукой по незапятнанно серой клавиатуре. Я — сама чистота, я — сама работоспособность, я — чёрно-белая биомасса, запаянная в платье-футляр, излучающая функционал профессиональной улыбистости. «Вас ничего не отвлекает от работы, Александра?» — приглушённо интересуется начальник после того, как я опускаю телефонную трубку. «Что вы, Вениамин Валерьевич! Меня влечёт к работе, можно сказать, с небывалой силой», — ласково отзываюсь я, глядя поверх его макушки с томной отрёшенностью. «Кстати, ваше чёрное платье оставляет следы на наших белых креслах. Вы не могли бы носить более светлые вещи?» — замечает он. «О, вы хотите, чтоб я носила белое? Оно меня полнит и быстро пачкается. Но если вы приказываете...» — откликаюсь я. «Я не приказываю, я рекомендую, — поспешно исправляется босс, — но пожалуйста уборщицу, она каждый вечер отмывает ваше кресло». «Вы заставляете меня чувствовать себя такой грязной. Право же это повергает меня

в печаль». «Ах ты, грязная сучка. Я хочу тебя на этом белом столе», — вспыхивает скайп под Сашкиным напором. Босс опускает глаза, вчитываясь. Я набираю номер очередного клиента, чтобы осчастливить его информацией о наличии свежееубиенной камбалы в порту. Мы с Вениамином вскользь касаемся друг друга взглядами, непроницаемо-прохладным глянцем очей своих отбрасывая друг друга на должное расстояние.

7.

Я подглядываю за тобой в интернете, среди ночи я невзначай встречаю тебя онлайн, меня тревожат и радуют эти анонимные встречи. Я обхожу тебя стороной, но не могу отделаться от мыслей о тебе и смысле твоих полуночных блужданий в Сети. Я слишком верю, что люди прибиваются друг к другу не просто так, для меня всегда загадочны эти странные передвижения человеческих тел, непреодолимо тянущихся друг к другу и отталкивающих друг друга во времени и пространстве.

Физико-математические формулы пленяют гармонией понятных логических взаимосвязей. Сила притяжения тел друг к другу обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. То бишь при увеличении расстояния в 3 раза сила тяготения автоматически должна уменьшиться в 9 раз. Это ж физика, она должна работать. И мы вроде держим с тобой дистанцию по

науке, вон я стою и люблюсь цветением вишни на ко-согоре, отрешённо наблюдаю мельтешение бабочек перед глазами и всё жду, когда эмоции подзатухнут сами собой. Теоретически я честно выполняю все условия, а вот практически... Какие-то постоянные сбои в практическом воплощении теоретических законов.

В жизни так много потаённого, запрятанного под ворохом осязаемых явлений. Я не готова рассуждать про астральные тела и многоцветье аур, но подозреваю, что человек не заканчивается там, где кожа соприкасается с воздухом, — он распространяется вширь, вглубь, ввысь, каждой клеткой прорастает в водянисто-дрожащее плотно времени; мысли, звуки, чувства, словно искры, прорезают пространство. И где-то на обратной стороне света некое тело силится уснуть, корчась в зевоте, и, охваченное икотой, в тоске призывает Федота. А всё потому, что я беспокойно существую на берегу Японского моря в непосредственной близости от одних существ и в отдалённости от других — переворачиваю в памяти всевозможные события, перемусоливаю законсервированные чувства и чужие, давно уже неактуальные, реплики, я веду интимные диалоги с призрачными слепами вполне реальных людей, бурлю своей скрытой от посторонних глаз, но порой взрывающей чей-то покой нервной активностью.

Я не знаю, отзываешься ли ты на мои чувства. Лелею в себе надежду, что моя бессонница не дает тебе спать,

заставляет ворочаться по ночам, вибрируя телом и душой в ответ на моё волнение. Впрочем, я не позволяю себе увлекаться подобными мыслями, я охлаждаю себя раз за разом студёной водицей рационализма. Я полна предположений и сомнений — я слишком несмелая, чтобы во что-то рьяно верить, но достаточно разумная, чтобы уверено ничего не знать. Я застыла в недоумении, не понимая, куда мне двигаться дальше...